

Л. А. Файнберг

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Вопрос о характере объединений у древнейших людей, тех переходных по своему физическому типу и социальному развитию существ, которые уже не были обезьянами, но в то же время более или менее существенно отличались от человека современного типа, — один из труднейших вопросов истории первобытного общества. Мы не будем излагать здесь существующие точки зрения, так как они, на наш взгляд, достаточно полно были охарактеризованы в работах ряда авторов, особенно в монографии Ю. И. Семенова «Возникновение человеческого общества». Напомним лишь, что эти точки зрения сводятся к трем основным. Одни исследователи полагают, что предки человека современного типа были по сути дела еще не людьми, а животными и соответственно у них не было и какой-либо организации, отличной от организации других животных. У такого взгляда мало сторонников, так как он опирается не на факты, а лишь на некоторые соображения общего характера, которые к тому же были подвергнуты обоснованной критике представителями разных дисциплин: археологами, этнографами, антропологами, философами, и, в частности, уже упомянутым Ю. И. Семеновым.

Сторонники второй точки зрения, разделяемой в основном археологами, полагают, что коллективы даже древнейших людей существенно не отличались по своей организации от объединений людей верхнего палеолита и, более того, от коллективов отсталых охотников и собирателей, известных нам по этнографическим данным.

Представители третьей точки зрения считают, что эпоха перехода от обезьян к человеку современного типа была особым этапом в истории, которому соответствовали свои специфические типы организации. Эти типы отличались как от предшествовавших им зоологических объединений, так и от форм социальной организации, зафиксированных у охотников и собирателей новейшего времени. В целом эта точка зрения представляется нам хорошо аргументированной как с общетеоретической, так и с фактической стороны. В то же время некоторые из взглядов сторонников указанной позиции нуждаются, по нашему мнению, в существенном уточнении. Так, нам представляется, что убеждение, разделяемое, пожалуй, всеми сторонниками третьей точки зрения, что организация формирующихся людей не имеет ничего общего с организацией животных предков, недостаточно обоснованно.

Новые наблюдения над жизнью различных видов обезьян не в неволе, а в естественных условиях, а также крупные палеоантропологические и археологические открытия недавнего времени в несколько раз продлили древность человеческого рода и значительно уменьшили пропасть между наиболее высокоразвитыми обезьянами и самыми примитивными из известных нам в настоящее время гоминид.

В настоящей статье мы пытаемся выяснить, могут ли в какой-то мере быть применены данные приматологии для изучения ранних форм социальной организации; прослеживаются ли в организации стада и в поведении обезьян какие-либо зачатки или предпосылки тех или иных институтов или форм поведения, развивавшихся у древних и древнейших гоминид под влиянием трудовой деятельности и всего комплекса связанных с ней социальных факторов.

Рассматривая материалы, относящиеся к сообществам обезьян, мы не забываем о принципиальном качественном различии между биологическими формами организации обезьян и социальными институтами раннего человечества, о грани между животными и человеком. Но мы предполагаем, что переход от старого качества к новому мог совершаться не путем полного уничтожения всех черт старого качества, а диалектически, по закону отрицания отрицания, чтобы «удержать положительное в *его* отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате...»¹.

Итак, какие же данные приматологии могут быть, на наш взгляд, использованы для реконструкции ранних форм социальной организации гоминид?

Известные исследователи приматов С. Уошберн, Ф. Джей и Дж. Ланкастер так образно описывают происшедшее в последние 10—15 лет изменение научных представлений о сообществах обезьян: «Едва ли может быть какой-либо больший контраст, чем между возникающей картиной упорядоченного общества, основанного на социальных связях привязанности и сотрудничества и имеющего структуру, опирающуюся на устойчивые связи доминирования, и старым представлением о не подчиняющейся никаким нормам орде под господством тирана»².

Резюмируя основные, рассматриваемые нами положения, можно сказать, что длительные наблюдения над обезьянами (шимпанзе, горными гориллами, павианами, макаками и др.) значительно углубили, а во многих случаях коренным образом изменили представления о структуре стада, отношениях внутри стада и между стадами. Эти новые наблюдения свидетельствуют, что для обезьян, в особенности человекообразных, а также низших, ведущих наземный образ жизни, не характерен неограниченный промискуитет, и, в частности, не практикуются (это установлено у макаки и менее определенно у шимпанзе) связи между особями, родственными по материнской линии, т. е. матерью и ее мужским потомством, братьями и сестрами. Потомство по материнской линии в подобных случаях тесно связано между собой³. Кроме того, исследователями зафиксирована у некоторых видов обезьян тенденция к экзогамии стада в целом. Выяснилось также, что конкуренция из-за самок в естественных условиях, т. е. на воле, а не в клетках зоопарка, носит более или менее мирный характер, с проявлением значительной взаимной терпимости самцов.

Конкретизируя вышесказанное существенно отметить, что для обезьян не типичны не только неограниченный промискуитет, но и такие ограничительные брачные системы, как парная связь гиббонов или гамадрилов. Обе они встречаются сравнительно редко. Наиболее обычная форма брачных отношений как у низших, так и у человекообразных обезьян — «промискуитет», ограниченный или отношениями доминирования (у бабуинов), или запретом половых связей

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 207.

² S. Washburn, Ph. Jay, J. Lancaster, Field studies of Old World monkeys and apes, «Science», vol. 150, 1965, № 3703, p. 1545.

³ D. Sade, Inhibition of son-mother mating among free-ranging Rhesus monkeys, «Science and Psychoanalysis», vol. 12, 1968, p. 18—38; J. van Lawick-Goodall, Mother-offspring relationships in free-ranging chimpanzees, «Primate Ethology», London and Chicago, 1967.

между родственниками по материнской линии (у макак) ⁴. Как справедливо отмечают С. Уошберн, Ф. Джей и Дж. Ланкастер, только в необычных ситуациях животные, занимающие подчиненное место в иерархии доминирования, полностью исключены из спаривания. У тех же, у кого нет постоянного доминирования, спаривание относительно промискуитетно и часто зависит от личной склонности самки ⁵.

Еще одна черта стада обезьян, выявленная в ходе исследований последних лет, это тенденция к спариванию самцов не в своем, а в чужих стадах. Говоря об этом явлении, обнаруженном у некоторых видов наземных обезьян, мы прежде всего имеем в виду наблюдения, сделанные Дж. Гартланом и К. Брейном на о-ве Лолуи и в Восточной Африке. Они отмечают, что у церкопитековых обезьян только в бедных экологических условиях и в неволе, т. е. в более или менее экстремальных условиях, самец — ядро группы и доминирует в ней, удерживая самок с помощью агрессии. Напротив, в экологически богатых районах, таких как о-в Лолуи, где у обезьян к тому же нет врагов, основу группы составляют взрослые самки, детеныши и молодняк обоего пола. В одной из групп этих обезьян в период с 1 апреля 1963 г. по 1 мая 1964 г. постоянно находился один самец и еще четыре приходили и уходили. При этом было зарегистрировано, что постоянный самец спарился во время наблюдений только 1 раз, два проходящих спарились соответственно 11 и 4 раза; а два самца ушли в другую группу и в наблюдаемой группе в указанный выше период не спаривались ⁶. Таким образом, у изучавшихся Гартланом и Брейном церкопитековых обезьян, по-видимому, преобладали «экзогамные» половые связи.

По данным наблюдений за тремя группами бабуинов Уганды в течение пяти лет, у них не было ни одного самца, который хотя бы один раз не перешел из одного стада в другое ⁷. У японских макак самки устойчиво сохраняют принадлежность к стаду, а самцы систематически переходят из одного стада в другое.

Возможно, что сходная тенденция преобладает и у шимпанзе. Такое предположение высказали И. Итани и А. Судзуки. Они отметили, что у шимпанзе мужской молодняк держится в стороне от больших групп, и поставили вопрос, не нормально ли для самцов этих обезьян менять группу, когда они становятся взрослыми ⁸. Иными словами, групповая принадлежность самцов шимпанзе, по гипотезе названных исследователей, меняется следующим образом: в детстве самцы входят в группу своих матерей, в «отрочестве» образуют отдельную группу, а став взрослыми, присоединяются к одной из соседних групп, и потому, добавим мы, скорее всего входящей в одно с ними сообщество, образуемое несколькими группами (подробнее см. ниже.)

Насколько мы знаем, биологи пока еще не выдвинули достаточно обоснованных и общепризнанных объяснений этим тенденциям к экзогамии в объединениях обезьян. Но вне зависимости от причин этого явления, его бытование у некоторых видов современных обезьян позволяет предполагать, что оно имело и у древних обезьян — предков первых гоминид. Если это так, то тенденция к переходу самцов для спаривания в другое стадо при стабильности «женской» части последнего могла составить часть биологического наследия, полученного древнейшими гоминидами от своих предков. В таком случае в ходе дальнейшего

⁴ Подробнее об этих факторах см.: Н. Куммер, *Primate societies*, Chicago, 1971, p. 34—35.

⁵ S. Washburn, Ph. Jay, J. Lancaster, Указ. раб., стр. 1544.

⁶ J. Gartlan and C. Brain, *Ecology and social variability in Cercopithecus aethiops and C. mitis*, «Primates», N. Y., 1968, p. 282—283.

⁷ R. Fox, *In the beginning: aspects of hominid behavioral evolution*, «Man», vol. 2, 1967, № 3, p. 421.

⁸ J. Itani and A. Suzuki, *The social unit of chimpanzees*, «Primates», vol. 8, 1967, № 3—4, p. 355—381.

развития эта тенденция, усиленная социальными факторами, так или иначе связанными с трудовой деятельностью, привела к полному запрету браков между людьми, принадлежащими к одному коллективу, превратив его тем самым в род.

Как уже было сказано, одним из результатов новых приматологических исследований оказалось то, что в противоположность укоренившимся представлениям конкуренция самцов из-за самок у обезьян или вообще отсутствует, или, как правило, носит более или менее мирный характер. Так, для шимпанзе характерна взаимная терпимость самцов в половой сфере, как, впрочем, и в других отношениях. По наблюдениям Дж. Гудолла на восточном берегу оз. Танганьика, в период течки несколько самцов спаривались с одной самкой. И это не вызывало никакого конфликта между ними. В другом районе обитания шимпанзе, в лесу Будонго, В. Рейнольдс хотя и не наблюдал подобных случаев, но зафиксировал образование на период течки временных групп из одной самки и нескольких самцов, опять-таки без каких-либо признаков конкуренции между последними.

Дж. Шаллер, почти два года наблюдавший горных горилл на воле, не видел ни одного столкновения из-за самок, хотя в каждой группе этих обезьян имеется несколько взрослых самцов. Шаллер сделал на этом основании закономерный вывод, что сексуальность в сообществах горилл не доминирует и поэтому неправ М. Салинс, считавший ее организующей силой в обществе приматов. Этот вывод вполне подтверждается и другими данными о половой жизни обезьян⁹.

Даже у гамадрилов, организованных в гаремные семьи, существует, как это показывают новые и весьма тщательные наблюдения Г. Куммера, механизм подавления полового инстинкта у самцов, чтобы избежать губительной борьбы из-за самок. Так, уже занятых самок не «отбивали», даже если самка принадлежит слабейшему самцу, а сильный не владеет самкой. Распределение самок между самцами стада не соответствует, в противоположность ранее существовавшим представлениям, и рангу самцов в иерархии доминирования. В естественных условиях самками владеют около 80% самцов, среди них есть и слабейшие.

Действующий у гамадрилов механизм подавления полового инстинкта ограничивает борьбу из-за самок исключительными ситуациями, такими как скопление на небольшом пространстве многих обезьян, что имеет, например, место в клетках зоопарков¹⁰. Именно наблюдения над обезьянами в подобных неестественных условиях дали повод для широко распространенных до последних лет представлений о безудержной и кровавой борьбе из-за самок в стадах различных видов обезьян, и в особенности гамадрилов. Таким образом, теперь можно с уверенностью сказать, что распространенные и в нашей литературе по истории первобытного общества представления о господстве у животных, включая обезьян, ничем не сдерживаемого зоологического индивидуализма не отвечают современным данным о сообществах приматов и нуждаются в пересмотре. Коль скоро механизмы ограничения полового инстинкта в интересах сохранения стада существуют уже у обезьян, древнейшим людям не нужно было переходить к промискуитету для устранения борьбы из-за женщин. Иными словами, в отношении способности к подавлению инстинктов, включая половой, обезьяны оказываются ближе к человеку, чем можно было предполагать.

⁹ Дж. Шаллер, Год под знаком гориллы, М., 1971; G. Schaller, The mountain gorilla. Ecology and behavior, Chicago-London, 1963; J. Goodall, Chimpanzees of the Gombe Stream reserve, «Primate Behavior», N. Y., 1965, p. 451; K. Hall, Aggression in monkey and ape societies, «Primates», N. Y., 1968, p. 159; V. Reynolds and F. Reynolds, Chimpanzees of the Budongo forest, «Primate Behavior», N. Y., 1965, p. 420.

¹⁰ Н. Куммер, Указ. раб., стр. 101—105.

Еще одним фактором, влияющим на структуру стада и, возможно, унаследованным от обезьян первыми гоминидами, является присущая, по крайней мере некоторым видам приматов, и продолжающаяся нередко и во взрослом состоянии связь потомства, особенно женского, с матерью и между собой, а также особая стабильность женской части стада по сравнению с его мужской частью.

Так, у японских макак многими исследователями зафиксировано, что потомство, особенно дочери, сохраняет связи с матерью и во взрослом состоянии¹¹. Макаки-резус о. Кайо-Сантьяго имеют такую же особенность. Большая часть социальных контактов у них осуществляется между особями, родственными по матери. В случае голода процент контактов между особями, родственными между собой, по отношению к общему числу контактов еще более возрастает. Так, в обычных условиях контакты между родственными животными составляют около 50% всех контактов, а при голоде они возрастают до 70%¹².

У шимпанзе дети держатся с матерью большую часть времени, примерно до восьми лет, хотя уже с четырех-шести лет они не зависят от матери в своем пропитании. И во взрослом состоянии потомство, особенно дочери, много времени проводит со своими матерями. Нередки случаи, когда мать разрешает взрослым детям взять у себя пищу, например, банан, который она уже держит в руке. Правда, в этом отношении имеются значительные индивидуальные вариации. Не всякая мать отдает плод, к которому протягивает руку ее взрослый потомок.

Матери также защищают своих детей, даже взрослых. При этом самки высокого ранга непосредственно атакуют обидчиков своих сыновей и дочерей, а самки низкого ранга подходят к обидчикам и делают просящие примирительные телодвижения.

Потомство одной матери у шимпанзе, как, впрочем, и у макак, тоже связано близкими отношениями. Так, в случае смерти матери о маленьком детеныше заботится его старшая сестра, а старший брат помогает ей защищать малыша¹³.

У бабуинов все члены стада знают матерей всех детенышей моложе двух лет. Может быть, дальнейшие исследования принесут новые данные о связях по родству у этих обезьян.

Надо еще раз подчеркнуть, что у многих видов обезьян, в том числе у бабуинов, самки составляют наиболее стабильную часть стада. Самки бабуинов, став взрослыми, остаются в стаде, в котором они родились, тогда как самцы у некоторых видов бабуинов то присоединяются к стаду, то выходят из него. Поэтому самки больше, чем самцы, зависят от связей, существующих между ними с рождения. В неволе самки гораздо хуже адаптируются, чем самцы, так как у них оказываются незнакомые соседки по клетке или вольеру. И подавляющая часть драк в клетках возникает именно между самками¹⁴.

По-видимому, существует определенная разница в отношениях матерей с детенышами у шимпанзе и бабуинов. У первых нет оформленных стад и выживание молодняка зависит во многом от его связей с матерью. У бабуинов же детеныши, как только они немного подрастут, переходят в группу молодняка, находящуюся под защитой не только матерей, а и всего стада. По-видимому, в этом отношении, как и в некоторых других, бабуины стоят ближе к первым гоминидам, жившим в сходных и полных опасностей условиях, чем к шимпанзе, обитающим в более спокой-

¹¹ S. Kawamura, The matriarchal social order in an *M. fuscata* group, «Primates», vol. 1, 1958; M. Yamada, A study of blood relationship in the natural society of the Japanese macaque, «Primates», vol. 4, 1963.

¹² J. Loy, Behavioral responses of free-ranging Rhesus monkeys to food shortage, «American Journal of Physical Anthropology», vol. 3, 1970, № 2, p. 263—266.

¹³ J. van Lawick-Goodall, Указ. паб., стр. 290, 308, 316—318, 322.

¹⁴ T. Rowell, Variability in the social organization of primates, «Primate Ethology», London, 1967, p. 230—232.

ных условиях и не нуждающимся для защиты в четко организованных стадах¹⁵.

С вопросом об отношениях матерей и потомства тесно связан вопрос о механизме передачи нового опыта, новых форм поведения. Как было установлено многочисленными наблюдениями, наземные виды обезьян обнаруживают гораздо большую вариабельность в своем поведении, большую потенциальную способность к усвоению нового, чем древесные¹⁶. Эта способность была очень важна для процесса гоминизации, поэтому были проведены специальные эксперименты с живущими на воле (но в заповедниках) японскими макаками, чтобы выяснить, как у них вырабатываются новые навыки, в частности пищевые.

Макакам давали клубни сладкого картофеля. Однажды 16-месячная самка вместо того, чтобы обтереть клубень от песка лапами, как это делали остальные, пошла к ручью и вымыла клубень в воде. Через 9 лет так поступали уже 70% всех обезьян ее стада и 90% тех, кто родился после появления этого обычая. Другая молодая обезьяна пошла, очевидно, случайно не к ручью, а к берегу моря и вымыла клубень в соленой воде. Привкус соли понравился ей, и она стала так поступать постоянно, а вслед за ней и другие члены ее стада. Чтобы входить в воду с клубнями в лапах, обезьяны научились проходить сравнительно длинные расстояния, до 50 м, на задних конечностях, они также научились плавать¹⁷. Как же передавались эти и другие новые навыки? Как выяснилось, сначала новые привычки появлялись у молодняка, который передавал их своим матерям.

Животные, родившиеся после возникновения нового обычая, перенимали его от своих матерей. Дольше всех не усваивали новое взрослые самцы. Таким образом, именно самки и их потомство обеспечивают у обезьян вариабельность поведения, без которой был бы невозможен процесс гоминизации. Как полагает подавляющее большинство исследователей, процесс гоминизации происходил в условиях резко менявшихся природных условий когда в значительной части Африки саванна наступала на лес. Поэтому предкам первых гоминид, чтобы выжить, было необходимо приспособиться к новым условиям, освоить новые виды пищи, и прежде всего животную пищу, так как в саванне наблюдаются сезонные нехватки растительной¹⁸. В этих условиях роль самок как создателей и, если так можно выразиться, «закрепителей» новых обычаев могла быть, на наш взгляд, особенно велика. По-видимому, природная среда, в которой формировались первые гоминиды, во многом напоминала среду, в которой живут современные бабуины, и поэтому представляется обоснованным высказанное еще в 1917 г. мнение К. Рида, что «прегоминиды могли иметь много черт волкоподобных приматов, ближайшей современной параллелью которых являются бабуины»¹⁹. Эта точка зрения, подчеркивающая большую экологическую близость первых гоминид не к более развитым психически, но глубоко специализированным и плохо приспособляющимся к новому окружению шимпанзе, а к бабуинам, разделяется многими исследователями как в нашей стране, так и за рубежом (Н. А. Тих, К. Холл и др.)²⁰.

¹⁵ J. van Lawick-Goodall, Указ. раб., стр. 335—336; V. Reynolds. Some behavioral comparisons between the chimpanzee and the mountain gorilla in the wild, «American Anthropologist», vol. 67, 1965, № 3, p. 702, 704, 705.

¹⁶ Ph. Jay, Studies of variability in species behavior, «Primates», N. Y., 1968, p. 175.

¹⁷ J. Frish, Individual behavior and intertroop variability in Japanese macaques, «Primates», N. Y., 1968, p. 249—251; см. также К. Э. Фабри, О подражании у животных, «Вопросы психологии», 1974, № 2, стр. 112—113.

¹⁸ Интересные соображения о возможном влиянии смены характера питания на внутривидовые отношения приматов высказал В. П. Якимов. См.: В. П. Якимов, Черты прерывности в эволюции человека, М., 1973, стр. 4—6.

¹⁹ K. Reed, On the differentiation of the human from the anthropoid mind, «British Journal of Psychology», vol. 8, 1917.

²⁰ Н. А. Тих, Предыстория общества, Л., 1970, стр. 38—39, 177; Н. Куммер,

Как отмечает большинство исследователей, различий в поведении и социальной организации между популяциями одного вида, живущими в неодинаковых экологических условиях, больше, чем соответственных различий между разными видами, живущими в сходных экологических условиях. Для лесных древесных обезьян характерны, за редкими исключениями, маленькие группы и отсутствие жесткой организации, а также отсутствие или лишь слабо выраженная система доминирования и иногда также промискуитетные половые связи.

Напротив, для наземных обезьян, живущих в засушливых степных районах, характерны резко выраженный половой диморфизм, гаремная «семья», а для некоторых видов — большие стада, состоящие из гаремных семей. Типичными представителями названных обезьян являются, например, гамадрилы, гелады, гусары.

Возникновение гаремной системы у этих обезьян уменьшает давление популяции на пищевые ресурсы, не уменьшая в то же время воспроизводства потомства. «Лишние» же самцы, не сумевшие создать гарема и живущие на периферии стада гаремных «семей» или вне его, гибнут от различных хищников. Половой диморфизм, характеризующийся резким увеличением размеров самцов по сравнению с самками, по-видимому, возникает из-за необходимости защитить стадо от хищников сравнительно небольшому числу самцов — глав гарема. По мнению Дж. Гартлана и К. Брейна, процесс физических и «социальных» изменений, приведший к созданию гаремных «семей», начался в плейстоцене в период приспособления древних обезьян к жизни в засушливой саванне и этот процесс имел большое значение в развитии форм организации приматов²¹.

С последним, на наш взгляд, трудно согласиться без определенных оговорок. Аридные районы создают экстремальные условия для существования. В подобных условиях развитие обычно заходило в тупик, выживание происходило благодаря специализации.

Кроме крайних форм экологической приспособленности — аморфных групп низших лесных обезьян и гаремов гамадрилов аридных зон — существует и ряд промежуточных форм организации стада и типов поведения, также, вероятно, обусловленных экологически. Так, бабуины в Уганде живут в лесу или в лесостепи, изобилующих довольно равномерно распределенной по площади пищей. Эти обезьяны насыщаются за 30—60 мин. кормления, остальную часть дня они отдыхают, играют, ласкают друг друга, чистят кожу друг другу. Эти бабуины при передвижении стада никогда не бросают отставших животных. Кто-нибудь из членов стада садится и поджидает отставшего. В Кении близко родственные угандийским бабуины *Papio anubis* живут в саванне, более бедной пищей, чем лес или лесостепь. Чтобы прокормиться, этим бабуинам необходимо пасть почти непрерывно в течение всего дня и осваивать большую площадь, чем их сородичам из Уганды. Примерно равные по размерам стада бабуинов Уганды и Кении осваивают соответственно площадь в 2 и 15 кв. миль. Бабуины Кении никогда не ждут отставших животных, и последние становятся легкой добычей для хищников и гибнут. Контакт в стаде гораздо меньше, чем у бабуинов Уганды.

Указ. раб., стр. 153; K. Hall, Aggression in monkey and ape societies, p. 161. Сходные идеи высказывает С. И. Успенский, подчеркивающий, что мартишковоподобные и, в частности, павианы «при сравнении с людьми выгодно отличаются от современных антропоморфных» и «более или менее пригодны для изучения с целью некоторой попытки восстановления типовых черт поведения и строения тела у древних „получетвероногих“ обезьян — ранних генеалогических предков гоминид», — см.: С. И. Успенский, О некоторых биологических предпосылках очеловечения обезьян, сб. «У истоков человечества», М., 1964, стр. 44—45.

²¹ J. Gartlan and C. Brain, Указ. раб., стр. 289—292; J. Crook and J. Gartlan, Evolution of primate societies, «Nature», vol. 210, 1966, № 5042, p. 1200—1203.

Зафиксированы различия и между мартышками *Cercopithecus aethiops* Уганды и Кении, живущими в тех же природных зонах, что и бабуины, т. е. соответственно в лесу и в саванне. У мартышек Уганды нет ни выраженной территориальности, ни столкновений из-за самок между самцами. Последние часто переходят из стада в стадо, нет у них и иерархической структуры. Напротив, у мартышек Кении, живущих в более бедной и опасной для обитания среде, чем лес, есть и территориальность, т. е. защита стадом своей территории, и конфликты из-за самок, и иерархическая структура. Другой вид обезьян — лангуры *Presbytis entellus* в Северной Индии и на Шри-Ланка — живет неиерархическими группами обоего пола и всех возрастов, а в Южной Индии они живут гаремами и мужскими группами, которые время от времени свергают главу гарема и заменяют его кем-нибудь из своего числа. В этой связи, Т. Роуэлл, на наш взгляд, закономерно ставит вопрос, что, может быть, вообще нет такого явления, как «нормальная» социальная структура данного зоологического вида, и ее нельзя описывать без учета условий жизни данного стада²².

Численность стада и его половой состав также зависят от условий жизни. Так, в районах неаридной саванны с богатыми пищевыми ресурсами численность стада бабуинов в среднем составляет 40—50 голов. Число самок лишь немногим превышает число самцов (среднее соотношение 1,3 : 1). В более бедных пищей районах это соотношение доходит до 3 : 1. Вот, например, состав одной из групп бабуинов вида *Pan troglodytes* супосерпалус, живущей в Кении. Всего в группе 41 обезьяна, в том числе самцов 5, самок 12, неполовозрелого молодняка 24. Если учитывать молодняка, то в группе окажется равное число самцов и самок, но половая зрелость у самок наступает раньше, чем у самцов, и поэтому взрослых самок больше, чем взрослых самцов. Что касается организации стада, то у бабуинов неаридной саванны оно сочетает систему доминирования с ограниченным промискуитетом. Только в полупустыне на воле или в зоопарках, т. е. в экстремальных условиях, обезьяны, в первую очередь гамадрилы, организуются в гаремные «семьи»²³. Обезьянье стадо, состоящее из гаремных «семей», может достигать значительных размеров — до 700 особей, но оно в основном лишь сумма «семейных» ячеек, не объединенных единой четкой структурой, и в этом его отличие от стада бабуинов, которое по численности не превышает обычно нескольких десятков особей, но зато представляет единую структуру, наименьшей ячейкой которой является само стадо. Такая структура из организации, обеспечивающей безопасность ее членов и воспроизводство потомства, может превратиться в более высокую форму — организацию для совместного добывания средств к существованию и их распределения.

Нам думается, что из отмеченных выше черт и особенностей стад обезьян, живущих в различных условиях, можно сделать некоторые предположительные выводы об организации стада прегоминид и коллективов древнейших гоминид. Как уже отмечалось, в настоящее время более или менее общепризнано, что гоминизация шла не в условиях лесного окружения, а в саванне. При этом палеоклиматологические, палеоботанические и палеозоологические исследования свидетельствуют в пользу мнения, что экологическая ниша прегоминид и первых гоминид

²² Т. Rowell, Указ. раб., стр. 220—226, 233. Теоретическая трактовка вопроса о соотношении между видами обезьян и особенностями их поведения содержится в работе: В. В. Бунак, Поведение высших обезьян и проблемы антропогенеза, сб. «Биология и акклиматизация обезьян», М., 1973.

²³ К. Hall, Social organization of the Old World monkeys and apes, «Primates», N. Y., 1968, p. 16; I. de Vore and K. Hall, Baboon ecology, «Primate Behavior», N. Y., 1965, p. 38, 40—41.

Африки была сходна с экологической нишей современных бабуинов²⁴. Конечно, нельзя забывать, что прегоминиды по своему образу жизни значительно отличались от бабуинов тем, что они были хищниками и при добывании пищи пользовались орудиями. Но, вероятно, между ними было немало общего, обусловленного сходством среды обитания и тем, что прегоминиды еще недалеко ушли в развитии от своих предков, древних обезьян саванны, схожих с бабуинами по образу жизни.

Поэтому есть известное основание для предположения, что в организации стада прегоминид и первых гоминид имелись элементы сходства с организацией стада бабуинов, т. е. что существовала четкая структура, сочетавшая систему доминирования с ограниченным промискуитетом. Значительно менее вероятным представляется, с нашей точки зрения, что стадо первых гоминид состояло из гаремных «семей» и было, таким образом, сходно по своей структуре со стадом гамадрилов. С. А. Арутюнов, В. П. Алексеев и некоторые другие исследователи, выдвигающие, особенно в устных выступлениях, подобное предположение, не учитывают, как нам кажется, того отмечавшегося выше обстоятельства, что, как показывает пример обезьян, подобные гаремные «семьи» создаются только в экстремальных условиях, в которых развитие идет по линии крайней специализации и заходит в тупик. Нет никаких данных, которые бы свидетельствовали, что гоминизация совершалась в полупустыне и соответственно нет оснований полагать, что организация обезьян аридной зоны послужила фундаментом для объединений первых гоминид. Напротив, стадо с доминированием и ограниченным промискуитетом, на наш взгляд, не только обладает внутренними возможностями для дальнейшего развития, но и для превращения его затем в материнский род. Предпосылками для этого могут быть появляющиеся у некоторых видов, или в некоторых популяциях обезьян устойчивые пожизненные связи между потомством одной матери, «запрет» половых связей между ней и ее мужским потомством, большая стабильность «женской» части стада, по сравнению с «мужской», переход молодых самцов для спаривания в другое стадо.

Можно предполагать, что в дальнейшем в первобытном человеческом коллективе эти первоначально еще биологические формы поведения облегчают формирование таких социальных институтов, как экзогамия, матрилинейность и т. п. тем, что подкрепляют собой действие социальных факторов²⁵.

Вышеизложенная линия развития социальной организации представляется наиболее вероятно, если гоминизация действительно происходила в саванне. Если же эта исходная посылка, господствующая в настоящее время в науке о первобытности и разделяемая нами, окажется ошибочной и выяснится, что очеловечивание происходило в лесу, то в таком случае в качестве формы, исходной по отношению к объединениям первых гоминид, станет возможным рассматривать стада ближайших современных родственников человека, обитателей леса — шимпанзе. Их объединения очень вариабельны. По мнению одного из ведущих исследователей этих обезьян В. Рейнолдса, у шимпанзе существуют открытые сообщества численностью в 60—80 обезьян, подразделяющиеся на несколько матрифокальных, т. е. состоящих из матерей с детенышами, групп и живущих в основном отдельно от них групп самцов. При этом взрослое потомство, уже живущее отдельно, время от времени возвращается к матери. Таким образом, связь мать — дитя у шимпанзе имеет пожизненный характер. Как отмечалось выше, есть указания

²⁴ J. Garlan and C. Grain, Указ. раб., стр. 289, 290, 292.

²⁵ Подробнее мы останавливаемся на причинах появления и укрепления экзогамии в статье «Возникновение родового строя», сб. «Проблемы истории первобытного общества», М., 1974.

на то, что столь же устойчива и связь между потомством одной самки²⁶.

Надо, правда, иметь в виду, что исследования Рейнолдса не прояснили полностью характера сообществ шимпанзе. Многие исследователи считают, что эти сообщества в действительности не являются открытыми, а имеют определенную структуру, хотя и производят такое впечатление. Вполне возможно, что популяция, занимающая какой-то участок леса и насчитывающая 80—100 особей,— закрытое объединение. Во всяком случае нельзя доказать противное, пока не выяснено, как члены такой территориальной группировки относятся к чужакам — иначе чем к членам своей группировки или так же²⁷. Кроме того, некоторые исследователи, например А. Кортландт, М. Чанс, К. Джолли, утверждают на основе своих полевых наблюдений, что стадо шимпанзе не аморфно или текуче по своей структуре, а напротив, в нем существуют определенные и достаточно четко разграниченные типы объединений. Так, А. Кортландт выявил у изучавшихся им шимпанзе восточной части Конго два типа таких объединений: половую группу и детскую группу. Первая из них состоит из самцов и самок без детенышей, вторая — из самок с детенышами и иногда одного-двух самцов. Численность этих двух типов объединений различается не очень значительно. В группировках первого типа насчитывается в среднем 20 животных, второго типа — 15, однако первые гораздо подвижнее и осваивают большую кормовую площадь, чем вторые²⁸.

Резюмируя все сказанное выше, можно заключить, что даже у современных обезьян, сравнительно менее развитых, чем предки первых гоминид, есть зародыши или предпосылки ряда черт поведения, в прошлом считавшихся присущими только человеку. Так, по крайней мере некоторые виды обезьян (павианы-гамадрилы, красные мартышки-гусары и др.) имеют какие-то биологические механизмы для ограничения зоологического индивидуализма, включая и половой инстинкт, что позволяет избежать конфликтов в стаде и сохранить мирные отношения между его членами. Обнаружены у обезьян, особенно человекообразных, и зачатки взаимопомощи. Поведение многих обезьян, как и формы их объединений, остаются еще неизученными. И в отношении наиболее исследованных видов обезьян тоже еще далеко не все известно, но накопленные факты позволяют предполагать, что мнение, согласно которому социальная организация древнейших гоминид могла возникать только в результате полного разрушения форм поведения и организации древних обезьян, не вполне соответствует современным данным. Напротив, из них, по-видимому, следует, что уже в высших типах зоологических объединений были зачатки и предпосылки некоторых форм поведения и институтов, таких как учет интересов коллектива и кровного родства по материнской линии, экзогамия, взаимопомощь и некоторых других, позднее развившихся у древнейших людей и в процессе трудовой деятельности сыгравших большую роль в функционировании их социальной организации и становлении человеческого общества в целом. Исходя из всего сказанного, мы считаем допустимым при попытках восстановить древнейшие формы организации прегоминид и ранних гоминид, наряду с данными археологии и палеоантропологии, пользоваться данными, относящимися к внутри- и межстадным отношениям у различных видов обезьян.

²⁶ V. Reynolds, Kinship and the family in monkeys, apes and man, «Man», vol. 3, 1968, № 2, p. 209—211.

²⁷ M. Chance, Open groups in hominid evolution, «Man», vol. 2, 1967, № 1, p. 130—131.

²⁸ M. Chance and C. Jolly, Social groups of monkeys, apes and men, N. Y., 1970, p. 107, 109; A. Kortlandt, Chimpanzees in the wild, «Scientific American», vol. 206, 1962, № 5, p. 132.